

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

«Этнографическая фантастика»

В. Я. Брюсова

А. Т. ГРЯЗНОВА

Москва

(Филологический анализ «Рассказов Маши,
с реки Мологи, под городом Устюжна»)

Я остался в своих рассказах русским
и славянином, ибо такова стихия моей души.

В. Я. Брюсов

В творческом наследии В. Я. Брюсова есть загадочное произведение, которое не было издано при жизни автора и увидело свет лишь в 1976 г. – в 85-м томе «Литературного наследия». Речь идет о «Рассказах Маши, с реки Мологи, под городом Устюжна» (1905). Текст упоминается в исследованиях Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана, которые дают ему диаметрально противоположные оценки. Б. А. Успенский в «Филологических размышлениях в области славянских древностей» (1982) замечает: «“Рассказы Маши” опубликованы в этом издании в разделе прозы Брюсова, но это, безусловно, подлинный текст, лишь записанный писателем». Ю. М. Лотман в комментариях к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», напротив, характеризует произведение как оригинальный текст Брюсова: «В отрывке Брюсова “Рассказы Маши”... так описывается святочное гадание – “слушанье на перекрестке”...»¹.

Современные исследователи предпочитают не касаться проблемы статуса текста, поэтому вопрос о его жанровой специфике до сих пор не решен. А пока не ясно, явля-

ются ли «Рассказы...» этнографической записью или фантастической мистификацией, трудно дать объективную характеристику языка и стиля произведения. Возникает заколдованный круг.

Текст небольшого – всего 4 страницы – рассказа вызывает много вопросов. Перечислим лишь некоторые. Если считать «Рассказы...» оригинальным брюсовским текстом, то к какому жанру его причислить? Рассказ? Новелла? Фрагмент? В рамках какого литературного направления он создан: реалистического, романтического или символического? Наконец, можно ли считать это произведение фантастическим?

Дискурсивный анализ показал, что утверждение Б. А. Успенского об этнографическом статусе текста, скорее всего, основывается на помете, сделанной самим Брюсовым в черновике: «Записано в Новгородской губ., Устюжнинского района на р. Мологе, в 1905 г.».

Представляется, что к этому свидетельству следует отнестись с особой осторожностью, помня, что писатель был одним из известнейших мистификаторов своего времени. Так, например, при издании альманаха «Русские символисты» Брюсов, выступавший в роли его мецената и издателя, воспользовался псевдонимом «В. А. Маслов». В результате тщательного литературного анализа ученым удалось доказать, что

¹ Лотман Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л., 1983. – С. 266.

Грязнова Анна Тихоновна, кандидат филол. наук, преподаватель вуза.

среди участников альманаха есть не только реальные поэты, но и «мертвые души»², например писатель В. А. Даров. Позже Брюсов использовал и другие псевдонимы – Аврелий, Бакулин, Нелли, которые также давали повод к подозрению в мистификации. Но Брюсов не единственный русский литератор, обращавшийся к мистификации: «на протяжении XIX–XX вв. в России и других славянских странах было создано множество фольклорных текстов и описаний мифологических верований, имеющих отчасти или полностью фальсифицированный характер»³.

Итак, запись в черновике – это серьезный аргумент в пользу этнографического статуса отрывка: она сделана писателем для себя и ни для кого более. Но ведь и в литературных сборниках принято указывать достоверную информацию об их авторах! Кроме того, у Брюсова к этому времени уже встречались примеры фольклорной стилизации: в вышедший в 1903 г. сборник «Urbi et orbi» включен опыт подражания народной песне («Фабричная»). Иными словами, стилистическая идентификация брюсовского отрывка требует более серьезной аргументации, чем свидетельство самого писателя.

Не следует исключать и возможность литературной обработки этнографического материала, при которой текст мог быть записан Брюсовым со слов информанта, но в дальнейшем подвергся существенной литературной переработке. В пользу этого варианта свидетельствует в первую очередь лингвистический анализ отрывка: у внимательного читателя возникает чувство, будто автор намеренно выстраивает текст так, чтобы он вызывал двойственное ощущение: то ли это суеверная крестьянская девушка рассказывает страшные истории, то ли писатель-мистификатор разыграл доверчивого читателя, выдав стилизацию за фольклорный текст.

Какие же приемы использует Брюсов?

Начнем с заглавия. Оно скрывает в себе сразу несколько «секретов». Заглавие фрагмента содержит синтаксическую конструк-

цию с двойной грамматической связью, которая может быть интерпретирована по-разному.

Так, синтаксический комплекс *с реки Моологи, под городом Устюжна* может быть понят как несогласованное определение, характеризующее образ рассказчицы («Рассказы Маши какой?»), и тогда название будет соответствовать «этнографической» квалификации текста. В таком случае текст должен отвечать требованию достоверности и содержать хотя бы некоторые указания на территориальную прикрепленность.

Точность этнографической записи обычно подтверждается лингвистическими признаками текста. Современные этнографы считают, что фольклорная запись в обязательном порядке должна отражать диалектные особенности речи информанта. Запись диалектной речи обычно содержит целый ряд специфических примет, свидетельствующих о нелитературном статусе текста: к числу таких признаков принадлежат фонетические, словообразовательные, лексические, семантические и грамматические диалектизмы. Вот пример речи современного носителя диалекта:

А домовой у нас есть, есть. У каждом хозяйстве есть, кого любить, кого нет. У нас одну лошадь любить, а других не так. Во ей косы тянуть, кажный раз постригаем, а ён две косы ей сплел. И яны не расплетаются. Не може ж конь сам себе сплеть. (Иркутская обл.).

Легко заметить, что фонетические отличия, переданные графическим способом, составляют едва ли не самую яркую примету текста былички.

В «Рассказах...» же фонетические отклонения в речи рассказчицы почти не заметны и встречаются всего два раза:

Домового реже видать можно... [ср. нормативное *видеть*]; Они закричали: «Каравул, каравул!» [ср. литературное *караул*].

По этим приметам практически невозможно установить, на какой территории записан текст. Точность паспортизации записи также оставляет желать лучшего. На этом основании можно предположить, что этнографическая запись (если она имела место) подверглась существенной редакции.

На этот довод легко возразить: возможно, Брюсов был сторонником научных традиций XIX в., которые не требовали обязательной точной информации о сказителе:

² См.: Иванова Е., Щербаков Р. Альманах Брюсова «Русские символисты»: судьбы участников / © 1999–2006 RUTHENIA // <http://www.contextualism.ru/Art/Russian/MIF/brusov.htm>

³ Топорков А. Л. От составителя // Рукосписи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. – М., 2001.

«В XIX в. еще отсутствовало представление об уникальности каждого варианта, и вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову записывать и публиковать текст с соблюдением всех фонетических особенностей речи исполнителя»⁴.

Однако к началу XX в. этнографами и фольклористами уже была создана схема паспортной записи этнографического рассказа, которая выглядела следующим образом: «1898 г. сентябрь. Недавно мне пришлось слышать рассказ о домовом. Молодая баба, уроженка дер. Саломыковой, Фекла Алтухова, рассказала мне случай, бывший с ея невесткой...»⁵. Паспорт давал довольно точную информацию о времени записи, возрасте информанта, месте проживания и его социальном статусе. Сопоставив образец реального этнографического паспорта с записями Брюсова, мы замечаем, что личность Маши, упомянутой в названии фрагмента, казавшаяся вполне реальной, утрачивает свою достоверность.

Еще более «вымышленным» представляется образ рассказчицы, если учесть, что реальный информант неосознанно привносит в повествование сведения о местности, в которой он живет, и об обстоятельствах собственной судьбы. В брянском отрывке нет даже намека на подобные сведения. Между тем они должны были бы присутствовать: в справочниках отмечается, что город Устюжна Новгородской губернии был не самым заурядным по меркам своего времени. Долгое время он назывался *Железный Устюг* и *Устюжна Железнопольская*, поскольку находился в местности, богатой залежами железной руды. По российским меркам город считался довольно крупным и числился уездным, был известен деревообрабатывающей промышленностью, в том числе изготовлением лодок, стеклоплавильным производством, производством глиняной посуды, валяной обуви. В городе регулярно проводились крупные ярмарки. Река Молога, на берегу которой стояла Устюжна, славилась богатой рыбной ловлей. Сельское хозяйство в окрестностях города велось по современным технологиям.

Брянская запись обнаруживает явные несоответствия, плохо согласующиеся с образом главной героини. Вопреки черновой отметке («Записано в Новгородской губ., Устюжнинского района на р. Мологе»), в самом начале монолога (!?) Маши упоминается Ярославль («как в Ярославле хорошо»), бывший в XIX в. центром одноименной губернии. Но как Маша попала в Ярославль? Дальше – больше. Оказывается, героиня не только побывала в городе, но и составила наблюдения, достойные ученого-этнографа:

На святках (святки у нас длинные, у нас в деревне, у деревенских, от Николе до Рождества, а в городе, у городских, от Рождества до Крещенья) слушать ходят.

Таким образом, текстуальные несоответствия скорее свидетельствуют в пользу литературной стилизации отрывка, чем в пользу этнографической записи.

Но вернемся к анализу названия. Два существительных подряд (*рассказы Маши*) в соседстве с несогласованным определением допускают и иную, чем отмечалось ранее, интерпретацию: *рассказы ... под городом Устюжна*. При подобной интерпретации синтаксического отрезка квалификация фрагмента резко меняется с «этнографической» на «фантастическую». Это происходит благодаря культурному ореолу, окружающему рассматриваемую грамматическую конструкцию.

В отечественной литературе известно немало романтических произведений, чьи названия, как и рассказ Брюсова, включают топонимы. Обычно такие тексты содержат повествование о фантастических событиях, по большей части происходивших на юге России (ср. возможную ассоциацию *Устюжна – южный*). См.: «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погодельского, «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» А. А. Бестужева-Марлинского, «Киевские ведьмы» О. Сомова, «Ученое путешествие на Медвежий остров» О. И. Сенковского и др.

Помимо этого, само название города *Устюжна* сильнее, чем это кажется на первый взгляд, связано с литературной мистификаторской традицией: именно в этом городе А. С. Пушкин наблюдал события, которые были положены Н. В. Гоголем в основу комедии «Ревизор». Таким образом,

⁴ Топорков А. Л. Цит. соч.

⁵ Цит. по изд.: Русский народ: Его обычаи, предания, обряды и суеверия, собранные М. Забылиным. – М., 2002. – С. 233.

появление топонима в названии фрагмента, наряду с «этнографической», свидетельствует в пользу «фантастической» версии.

Композиция «Рассказов...» также вызывает ряд серьезных вопросов.

С одной стороны, текст состоит из ряда быличек, которые являются самым что ни на есть фольклорным жанром. Видный исследователь фольклора Э. В. Померанцева охарактеризовала признаки былички следующим образом: «Жанр несказочной устной прозы, мемуары о сверхъестественных явлениях, якобы имевших место в действительности, или о встречах рассказчика, его односельчан, родственников, знакомых со сверхъестественными, мифическими существами, а также о кладах, колдовстве или оборотничестве, о мертвецах, привидениях, колдунах»⁶.

С другой стороны, этнографические записи быличек свидетельствуют о том, что в процессе повествования информант, как правило, не вступает в диалог с интервьюером. Композиция же рассматриваемого фрагмента строится с учетом образа Машиной собеседницы – некой барышни, к которой обращается рассказчица. Таких обращений в тексте несколько, и все они размещены в сильных позициях текста – его абсолютном начале, зачинах и финальных частях абзацев. Некоторые из обращений носят комический характер, что разрушает атмосферу страха, обязательную для жанра былички:

(Старуха)... побежала на деревню, дорогой на сук наткнулась, глаз себе выколола, теперь кривая ходит. Вы, барышня, сами поезжайте, увидите: теперь кривая ходит.

Кроме того, быличка – это отдельный рассказ о встрече с нечистой силой, в брусовской же записи былички объединены в более или менее законченный текст монологического характера, обладающий композиционной продуманностью. Возникают сомнения в том, что необразованная крестьянская девушка, существуя она в реальности, обладала талантом сказительницы, способной организовать в единое целое довольно разнородный материал. Зато любой образованный человек легко справился бы с этой зада-

чей. Принцип организации фольклорного материала – от своего к чужому, от знакомого к неизвестному, от безопасного к пугающему – широко известен из работ по славянской мифологии; ср.: «...уже за порогом избы «свой» мир становился все более «чужим» и враждебным»⁷.

Этот принцип положен в основу композиции фрагмента. В его состав входят две части, организованные по тематическому принципу: первая часть отрывка включает рассказы о дворовом и домовом, баечнике и перебаечнике, лешем и русалке. Именно в этом фрагменте частотны обращения к собеседнице. Вторая часть отрывка посвящена рассказу о колдунах, гадалках, покойниках и бесах, а также о том, как человек своим неразумным поведением навлекает на себя беды и напасти. Во второй части отрывка обращения отсутствуют, и это можно объяснить двумя причинами: тем, что литературная обработка отрывка не была завершена, а также психологическим состоянием рассказчицы, которая по мере повествования сама пугается своего рассказа.

Таким образом, художественный текст организуется сразу несколькими способами: композиционно – посредством обращений к собеседнице (*барышня*), аксиологически – путем актуализации личных суждений рассказчицы (*худо, нехорошо*), тематически – посредством лексических элементов тематической группы «сверхъестественное» и стилистически – с помощью маркеров разговорной речи.

Лексико-стилистическая организация текста имеет особое значение для создания иллюзии двойственности повествования. Концентрация в отрывке наименований мифологических персонажей должна вызвать у читателя ощущение этнографической достоверности. В то же время способ использования этих единиц в тексте заставляет усомниться в фольклорном характере отрывка. Так, наименования персонажей выстраиваются в номинационные ряды, что создает у читателя впечатление обыденности описываемых рассказчицей событий. Ведь если говорящий сталкивается с каким-либо явлением ежедневно, ему легко найти не одно, а несколько обозначений для изображаемого объекта. *Домовой* и *баечник* в от-

⁶ Померанцева Э. В. Былички // Народные знания. Фольклор. Народное искусство. Свод этнографических понятий и терминов. – М., 1991. – С. 27.

⁷ Семенова М. Мы – славяне. Популярная энциклопедия. – СПб., 2006. – С. 56.

рынке называются еще и *шерстными*, а вся нежить – *нехорошими*. При этом слово *шерстный* в Словаре В. И. Даля отсутствует, что заставляет усомниться в диалектной принадлежности лексемы.

Помимо уже названных персонажей, в «Рассказах...» описываются *дворовые*, *лешие*, *русалки* и загадочные «они». Странно, что среди перечисленных образов отсутствует *водяной*, хотя Маша, *с реки Мологи*, обязательно должна была бы упомянуть о нем, а не о *русалке*, которая «каждую ночь на кладбище на камне сидит».

Выбирая наименования сверхъестественных персонажей, Брюсов отдает предпочтение привычным для городского жителя словам, несмотря на то, что в говорах для обозначения нечистой силы существовало большое количество диалектизмов; например:

домовой – домовой, домовый хозяин (царь домовой), домоведушка, домовид, домовидушко, домовидый, домовик, домовитель, домовитушко, доможил, доможир, доможирко, доможирник, домоседушко, хозяин, жихарь, хлевник, голбежник, избной, подпечник, подпольник, пастень, сень, глумица;

дворовой – дворовый, дворовый хозяин, дворовик, дворный, дворовушко;

леший – леший (дядя леший), леший царь, лесак, лесник, лесной, лесной дедушка (дедушко), лесной дядя, лесной херувим, лесной хозяин, лесной царь, лесовик, лесовой, лесовой дедушка, лесовой хозяин, лешак, лешой, лесной хозяин, царь лесной, большак, дедушка, дедушка, дедко вольный, дядя большой, долгий дядюшка, другая половина, сам, вольный, дикарь, дикий, диконький, волосатик, гаркун, блуд, водил, пастух, полесовик»⁸.

В некоторых случаях выбор писателя отвечает принципу достоверности; например, в Новгородской губернии для обозначения лесного хозяина действительно используется название *леший*. Однако часто Брюсов отступает от принципа правдоподобия и выбирает более экзотические наименования и толкования.

Объяснение слов *баечник* и *перебаечник* встретилось нам только один раз, в «Краткой энциклопедии славянской мифологии». Этими словами, если верить автору справоч-

ного издания, называется «злой домашний дух. <...> Баечник в народных поверьях воплощал собой страх, связанный с вечерними разговорами о чем-нибудь страшном. ...Баечник, подобравшись к человеку, будет разводить над ним руками до тех пор, пока тому не приснится рассказанное на ночь и человек не проснется в холодном поту... Баечников в доме бывает четыре или пять, причем самый страшный из них – усатый перебаечник...»⁹. В «Рассказах...» слово *баечник* употребляется в том же значении, что и *банник*:

А баечника худо увидеть, он сердитый, не любит, чтобы ему мешали. Старуха поздно вечером парилась, после всех; друг в дверь стучат... Он, значит, париться пришел, она ему мешает.

Таким образом, вольно или невольно, Брюсов использует прием омонимической замены.

Думается, что этот прием использован писателем для создания эффекта живой диалектной речи, на лексическом уровне которой встречается довольно много омонимов литературных лексем. Спонтанность разговорной речи не дает говорящему возможности выбрать более подходящую единицу, в результате чего формируется слабая речевая позиция, осложняющая собеседнику понимание высказывания. Приемы подобного рода используются в тексте чрезвычайно интенсивно и служат для характеристики образа рассказчицы.

Так, например, в рассказе о *дворовом* используется слово *хозяин*, которое в стандартизованном языке называет владельца какой-либо вещи или главу крестьянской семьи, а в диалектной речи может обозначать домового. Контекст не решает проблемы разграничения значений:

Дворовой с лица как хозяин, а домовый шерстный...

Определить значение, в котором употреблено слово, помогает только обращение к «Энциклопедии сверхъестественных существ»¹⁰, где отмечается, что домового (и дворового, которых в некоторых губерниях не различали) иногда представляли как существо, внешне напоминающее хозяина дома.

⁹ Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М., 2001. – С. 51–52.

¹⁰ См.: Королев К. Энциклопедия сверхъестественных существ. – М., 2002. – С. 132.

⁸ См.: Власова М. Энциклопедия русских суеверий. – СПб., 2008.

Вообще количество семантических диалектизмов в тексте отрывка чрезвычайно велико. В основном они обозначают действия нечистой силы, колдунов, а также способы гадания и другие магические ритуалы. В большинстве случаев появление семантических диалектизмов основывается на метонимическом переносе с частного на целое и касается, главным образом, глаголов; например:

(о дворе) лошади *косу заплетать*, т.е. заплетать ей гриву в косички;

(о баечнике) *давить/задавить*, т.е. душить;

(о нечисти) *унести* – забрать ребенка из родительского дома; *отдать* – вернуть заколдованного в прежнее состояние;

снять – принять от умирающего колдуна его «слуг», *прочитать молитву* (о колдуне) – произнести заговор;

слушать, т.е. вызывать нечистую силу и ждать ее предсказаний о будущей судьбе;

плясать – танцем призывать нечистую силу.

Этим же целям – созданию эффекта разговорной речи и характеристике персонажа – служат многочисленные случаи местоименной замены. Как известно, в разговорной речи семантика местоимения восстанавливается благодаря ситуативному контексту, однако в высказываниях недостаточно образованных людей местоимения используются настолько широко, что собеседник, не владеющий информацией о предмете рассказа, может испытать затруднения при интерпретации сообщения. Эта особенность разговорной речи активно используется Брюсовым в процессе стилизации:

Одной старухе некому было отдать, а уж очень тяжело было – помереть хотелось. Тут был только мальчик десяти лет. Она говорит ему: «Сними с меня»... Он и согласился. Она и отдала ему сорок. Они и стали его все спрашивать...

В то же время писатель достаточно широко применяет принцип наложения худо-

жественных приемов. Смысл фрагмента, а особенно его финальной части, невозможно понять, не зная, что в этнографическом тексте местоимения, наряду с замещающей функцией, способны играть эвфемистическую роль. В этом случае они намеренно используются говорящим, опасаящимся употребить истинное имя враждебной силы, дабы не привлечь ее внимания. Посредством местоимения *они*, а также с помощью его пропуска (*кто сорок возьмет, ... а берут несколько сот, несколько тысяч*) в отрывке обозначаются так называемые *работники, слуги, сотрудники, солдатики, грешки, шишки, кутузики, помощники, маленькие*, т.е. нечистые духи, черти, помощники колдуна. Последнее наименование было особенно распространено в Новгородской губернии: «Помощники, работающие на колдуна при жизни, страшно мучают его в момент смерти, если только он не успевает «сдать» их (передать кому-нибудь свои колдовские умения, а вместе с ними и помощников, чего обычно остерегаются окружающие)»¹¹. Пренебрегая достоверностью, Брюсов заменяет это наименование более загадочным и страшным местоимением *они*.

Итак, изучение стиля «Рассказов...» свидетельствует о том, что далеко не все языковые средства фрагмента говорят в пользу его этнографического статуса. В то же время анализ языка «Рассказов...» показал, что структура произведения позволяет довольно четко разграничить средства выражения авторской позиции и речевую партию рассказчицы. А это значит, что «Рассказы Маши...» вполне могут быть включены в список фантастических произведений В. Я. Брюсова.

¹¹ Власова М. Указ. соч. – С. 421.